

Цена 25 коп.

Индекс 72996

**БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА**

**3
(1016)**

ISSN 0132 - 2141

Сергей МИХАЛКОВ

Дружеский шарж
В. МОЧАЛОВА

Библиотека Крокодила № 3

Сергей МИХАЛКОВ

СМЕХ

БАСНИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Рисунки Г. ОГОРОДНИКОВА

Москва
Издательство ЦК КПСС «Правда»
1987

СОЛОВЕЙ И ВОРОНА

Со дня рожденья четверть века
Справлял в дубраве Курский Соловей.
(Немалый срок и в жизни человека.
А Соловью — тем паче юбилей!)
Среди лесных певцов подъем и оживленье:
Окрестные леса
Вручают юбиляру адреса.
Готовится банкет. Концерт на два часа.
И от Орла приходит поздравленье.
Счастливый юбиляр растроган и польщен —
Не зря в своих кустах свистел и щелкал он...
За праздничным столом в тот вечер шумно было.
На все лады звенели голоса,
И лишь Ворона каркала уныло:
«Подумать только, чудеса!
Уж мне за пятьдесят давно перевалило.
И голосом сильнее, и всем понятней я,
И столько раз Сова меня хвалила...
А юбилей — поди ж ты — Соловья!..»

Вот пипешь про зверей, про птиц и насекомых.
А попадаешь все в знакомых...

ЗАЯЦ ВО ХМЕЛЮ

В день именин, а может быть, рожденья,
Был Заяц приглашен к Ежу на угощенье.
В кругу друзей, за шумною беседой,
Вино лилось рекой. Сосед поил соседа.
И Заяц наш, как сел,
Так, с места не сходя, настолько окосел,
Что, отвалившись от стола с трудом,
Сказал: «Пшли домой!» — «Да ты найдешь ли дом? —
Спросил радушный Еж. —
Поди, как ты хорош!
Уж лег бы лучше спать, пока не протрезвился!
В лесу один ты пропадешь:
Все говорят, что Лев в округе объявился!»
Что Заяца убеждать? Заячишка захмелел.
«Да что мне Лев! — кричит. — Да мне ль его бояться?
Я как бы сам его не съел!
Подать его сюда! Пора с ним рассчитаться!
Да я семь шкур с него спущу
И голым в Африку пущу!..»
Покинув шумный дом, шатаясь меж стволов,
Как меж столов,
Идет Косой, шумит по лесу темной ночью:
«Видали мы в лесах зверей почище львов,
От них и то летели ключья!..»
Проснулся Лев, услышав пьяный крик, —
Наш Заяц в этот миг сквозь чапу продирался.
Лев цап его за воротник!
«Так вот кто в лапы мне попался!
Так это ты шумел, болван?
Постой, да ты, я вижу пьян —
Какой-то дряни нализался!»
Весь хмель из головы у Заяца вышел вон!
Стал от беды искать спасенья он:
«Да я... Да вы... Да мы... Позвольте объясниться!
Помилуйте меня! Я был в гостях сейчас.
Там лишнего хватил. Но все за Вас!
За Ваших львят! За Вашу Львицу!
Ну, как тут было не напиться?!»

И, когти подобрав, Лев отпустил Косого.
Спасен был хвастунишка наш!

Лев пьяных не терпел, сам в рот не брал хмельного.
Но обожал... подхалимаж.

ЛИСА И БОБЕР

Лиса заметила Бобра:
И в шубе у него довольно серебра,
И он один из тех Бобров,
Что из семейства мастеров,—
Ну, словом, с некоторых пор
Лисе понравился Бобер!
Лиса ночей не спит: «Уж я ли не хитра!
Уж я ли не ловка к тому же?
Чем я своих подружек хуже?
Мне тоже при себе пора
Иметь бобра!»

Вот Лисонька моя, охотясь за Бобром,
Знай вертит перед ним хвостом,
Знай шепчет нежные слова
О том, о сем...

Седая у Бобра вскружилась голова,
И потеряв покой и сон,
Свою Бобреху бросил он,
Решив, что для него, Бобра,
Глупа Бобрехи и стара...
Спускаясь как-то к водопою,
Окликнул друга старый Еж:
«Привет, Бобер! Ну, как живешь
Ты с этой... как ее... с Лисою!»
«Эх, друг! — Бобер ему в ответ,—
Життя-то у меня и нет!

Лишь утки на уме у ней да куры:
То ужин — там, то здесь — обед!
Из рыжей стала черно-бурой!
Ей все гулять бы да рядиться,
Я — в дом, она, плутовка, — в дверь.

Скажу тебе, как зверю зверь:

Поверь,

Сейчас мне в пору хоть топиться!..

Уж я подумывал, признаться,

Назад к себе — домой податься!

Жена простит меня, Бобра,—

Я знаю, как она добра...»

«Беги домой,— заметил Еж,—

Не то, дружище, пропадешь!..»

Вот прибежал Бобер домой:

«Бобрехи, двери мне открой!»

А та в ответ: «Не отопру!

Иди к своей Лисе в нору!»

Что делать? Он к Лисе во двор!

Пришел. А там — другой Бобер!

Смысл басни сей полезен и здоров
Не так для рыжих Лис, как для седых Бобров!

СЛОН-ЖИВОПИСЕЦ

Слон-живописец написал пейзаж,
Но раньше, чем послать его на вернисаж,
Он пригласил друзей взглянуть на полотно:
Что, если вдруг не удалось оно?

Вниманием гостей художник наш польщен!

Какую критику сейчас услышит он?

Не будет ли жесток звериный суд?

Низвергнут? Или вознесут?

Ценители пришли. Картину Слон открыл.

Кто дальше встал, кто подошел поближе.

«Ну что же,— начал Крокодил,—

Пейзаж хорош! Но Нила я не вижу...»

«Что Нила нет, в том нет большой беды! —

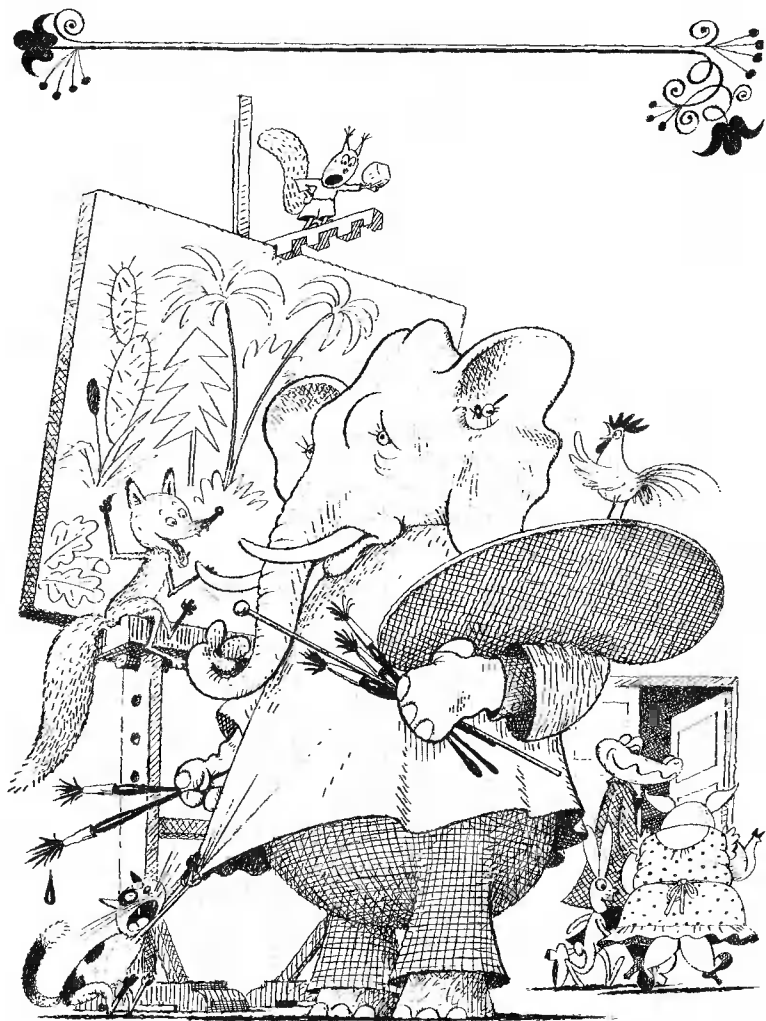
Сказал Тюлень. — Но где снега? Где льды?»

«Позвольте! — удивился Крот. —

Есть кое-что важнее, чем лед!

Забыл художник огород».

«Хрю-хрю,— прохрюкала Свинья,—

Картина удалась, друзья!
Но с точки зрения нас, свиней,
Должны быть желуди на ней».
Все пожеланья принял Слон.
Опять за краски взялся он
И всем друзьям по мере сил
Слоновой кистью угодил,
Изобразив снега, и лед,
И Нил, и дуб, и огород,
И даже мед!
(На случай, если вдруг Медведь
Придет картину посмотреть...)
Картина у Слона готова,
Друзей созвал художник снова.
Взглянули гости на пейзаж
И прошептали: «Ералаш!»

Мой друг! Не будь таким Слоном:
Советам следуй, но с умом!
На всех друзей не угодишь.
Себе же только навредишь.

КУКУШКА И СКВОРЕЦ

«Чего распелся ты так рано над крыльцом?» —
Кукушка из лесу Скворцу прокуковала.

«Ах, если бы, Кукушечка, ты знала! —
Ей отвечал Скворец. — Я нынче стал отцом!
Теперь мне в пору петь с рассвета до заката:
В скворечнике моем пицат мои Скворчата!
Я полон гордости — растет мой скромный дом!» —

«Вот невидаль! Нашел же чем гордиться! —

Кукушка из лесу в ответ. —

Чем удивил ты белый свет!

По мне, так лучше быть свободной птицей!»

«А где несешься ты?»

«В любом чужом гнезде!»

«А где твои птенцы?»

«Не знаю где. Везде!»

«Да кто ж выводит их?»

«Другие их выводят.

Я не из тех, кто в этом смысл находит...

Семья мне не нужна. Я жить одна хочу.

Куда задумаю — туда и полечу!

Где захочу — там прокукую.

Вот, Скворушка, тебе бы жизнь такую!»

«Нет, — отвечал Скворец. — Пример моих отцов

Подсказывает мне иметь весной птенцов!»

И надо же такому вдруг случиться:

Пернатый хищник, старый вор,

Скворчатинкой задумав поживиться,

Явился как-то раз к моим Скворцам во двор.

Но грозно встретила его семья Скворцов!

Едва отбившись от птенцов и от отцов,

Разбойник улетел. А над лесной опушкой

Он с одинокой встретился Кукушкой —

И все ж позавтракал в конце концов!

ДВЕ ПОДРУГИ

«Красиво ты живешь,

Любезная сестрица! —

Сказала с завистью в гостях у Крысы Мышь. —

На чем ты ешь и пьешь,

На чем сидишь!

Куда ни глянешь — все из-за границы!» —

«Ах, если б, душенька ты знала, —

Со вздохом Крыса отвечала, —

Я вечно что-нибудь ищу!

Я день-деньской в бегах за заграничным —

Все наше кажется мне серым и обычным,

Я лишь заморское к себе в нору тащу:

Вот волос из турецкого дивана!

Вот лоскуток персидского ковра!

А этот нежный пух достали мне вчера —

Он африканский. Он от Пеликана!»

«А что ты ешь? — спросила Крысу Мышь. —

Есть то, что мы едим, тебе ведь не пристало!»

«Ах, душенька! — ей Крыса отвечала. —

Тут на меня ничем не угодишь!

Вот разве только хлеб я ем и сало!..»

Мы знаем, есть еще семейки,

Где наше хаот и бранят,

Где с умилением глядят

На заграничные наклейки...

А сало... русское едят!

ЛЕВ И ЯРЛЫК

Проснулся Лев и в гневе стал метаться,

Нарушил тишину свирепый, грозный рык:

Какой-то зверь решил над Львом поиздеваться —

На Львиный хвост он прицепил ярлык.

Написано: «Осел», есть номер с дробью, дата.

И круглая печать, и рядом подпись чья-то...

Лев вышел из себя: как быть? С чего начать?

Сорвать ярлык с хвоста?! А номер?! А печать?!

Еще придется отвечать!

Решив от ярлыка избавиться законно,

На сборище зверей сердитый Лев пришел.

«Я Лев или не Лев?» — спросил он раздраженно.

«Фактически вы Лев! — Шакал сказал резонно. —

Но юридически, мы видим, вы Осел!»

«Какой же я Осел, когда не ем я сена?»

Я Лев или не Лев? Спросите Кенгуру!»

«Да! — Кенгуру в ответ. — В вас внешне, несомненно,

Есть что-то львиное, а что — не разберу!..»

«Осел! Что ж ты молчишь?! — Лев прорывал в смятенье. —

Похож ли я на тех, кто спать уходит в хлев?!»

Осел задумался и высказал суждение:

«Еще ты не Осел, но ты уже не Лев!..»

Напрасно Лев просил и унижался,

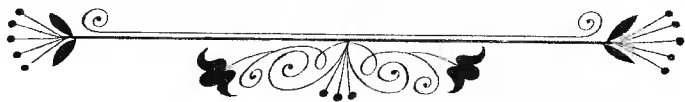
От Волка требовал, Шакалу объяснял...

Он без сочувствия, конечно, ни остался.

Но ярлыка никто с него не снял.

Лев потерял свой вид, стал чахнуть понемногу.

То этим, то другим стал уступать дорогу.

И как-то на заре из логовища Льва
Вдруг донеслось ослиное: «И-аа!»

Мораль у басни такова:
Иной ярлык сильнее Льва!

БЕЗ ВИНЫ ПОСТРАДАВШИЕ

Прослушать певчих птиц однажды пригласили
Начальство — Льва. (Лев был в чинах и в силе.

И перед ним, дыхание затая,
На задних лапках многие ходили).

Лев прибыл на концерт. На сцену попросили
Певцов: Скворца и Соловья.

Перед лицом таким, робея от волненья,
Чуть арию свою не позабыл Скворец.

Но под конец

Так разошелся молодец,

Такое на него напало вдохновенье,
Что диву бы дался любой ценитель пенья.

Какой солист!

То вдруг зацелкает, то перейдет на свист.

То иволгой кричит, то кенарем залетится.

Кудахчет курицей, как человек, смеется.

И выходкам веселым нет конца!

Но тут заметили, что, слушая Скворца,

Ни разу Лев не улыбнулся.

Напротив — даже отвернулся!

Вот Соловья черед. Лев морщится опять!

Что это значит? Как понять?..

Ему на месте не сидится.

Он хочет встать!

Его с трудом удерживает Лявица...

А Соловей?.. Как сладко он поет!

Какие он верха берет!

Но, гривою тряхнув, Лев с места вдруг встает

И, не дослушав песни Соловьиной,

Уходит со своею половиной...

Лиса уж тут как тут: «Певцы тому причиной!

Кто их назвал «солистами лесов»?
Ни дикции, ни голосов!
На Льва все время я смотрела —
Он возмущался то и дело!
Скандал! Позор!»

И отдан был приказ: «Певцов направить в хор!
Заставить заново учиться!»
Но как же так могло случиться?
Лев к пенью вкус имел
(Он даже сам немного пел,
И, говорят, довольно мило).
Послушать мастеров ему приятно было.
Чего ж он морщился?.. Он лишнего поел.
И тут как раз ему живот схватило!..
А бедные певцы, которых сдали в хор?
Когда бы не Орел, там пели б до сих пор!

Я басню написал тем людям в назиданье,
Что вокруг начальства выются без конца.
Готовые уже за указанье
Считать обычное чиханье
Вышестоящего лица.

НУЖНЫЙ ОСЕЛ

Обед давали у Вола.
Хлев переполнен был гостями.
А стол — харчами.
Пора бы уж гостям и сесть вокруг стола,
Но тут разнесся слух: «К обеду ждут Осла!
Как только он изволит появиться,
Хозяйка знак подаст — гостям за стол садиться!»
Вот долгожданный гость явился, наконец.
Напротив племенной Коровы
Посажен он в кругу Овец.
Хозяин налил всем: «Так будем же здоровы!
Внимание! Осел имеет слово!»
Веселые умолкли голоса.
Как наш Осел завел... насчет овса!

Почем теперь овес, да как овес хранится,
Да почему сытней он, чем пшеница...

Он говорит уж полчаса.
Один Баран успел напиться,
Заснула старая Овца,
А речи про овес все нет и нет конца:
Ослу невмочь остановиться!
Уже гостям ни есть, ни пить, ни петь.
И начали ряды гостей редеть.
Окончен бал, как говорится.

Охрипшего Осла остался слушать Вол..
Как мог такой Осел попасть к Волу за стол?
Ужели он с Волом был так сердечно дружен?
Осел в почете был. Осел Волу был нужен:
Когда б кормушками на скотном он не ведал,
Он у Вола бы не обедал!

ЛЕВ И МУХА

Раз Мухе довелось позавтракать со Львом
От одного куска и за одним столом.
Вот Муха досыта наелась.
Напилась.

Собралась улетать, да, видно, расхотелось
(На Львином солнышке уже пригрелась).
Осталась на обед, а там и... прижилась.

В недолгом времени пошла молва.
Распространяться стали слухи
(Их разносили те же мухи!),
Что Муха-де живет советницей у Льва.

Что в ней
Гроза зверей
Души не чает.

Случись по делу отлучиться ей,
Так он уж загодя скучает —
Не ест, не пьет,

И сам завел такой обычай:
Когда уходит на добычу,
То Муху он с собой берет,

А раз она сидит на Львином ухе,
То может нажужжать, что в голову взбредет!..

Ну, как тут не бояться Мухи?..
А Льву и невдомек, что Муха так сильна,
Что перед ней все лезут вон из кожи
И что она
В его прихожей
Делами Львиными подчас вершит одна!

У нашей басни цель: бороться против зла.
Так вот бы хорошо, когда б для пользы дела
Моя мораль до львов дошла
И некоторых мух легонечко задела —
За дело!

ОСТОРОЖНЫЕ ПТИЦЫ

Топтыгин занемог: вскочил чиряк на шею —
Ни сесть ему, ни лечь, ни охнуть, ни вздохнуть
И не уснуть.
Вот Дятла он велит к себе позвать скорее,
Чтоб тот чиряк немедленно проткнуть.
За дятлом послано... Как лекарь появился,
Он тот час же и так, и сяк,
Со всех сторон обследовал чиряк,
Но вскрыть его, однако, не решился.
Топтыгину сказав при этом так:
«Уж если сам, злодей, до ночи не прорвется
И протыкать его придется,
То следует созвать совет из лекарей.
К тому ж у Филина, известно, клюв острей!»
За Филином, за Петухом послали...
Глаз не сомкнул больной всю ночь.
На утренней заре врачи слетаться стали,
Слетелись и... сидят — решают, как помочь.
И сообща приходят к мнению:
«Чиряк покамест не вскрывать!
А если к вечеру не будет облегченья,
Опять собраться всем и Журавля позвать,
Поскольку у него и глаз вернее,
И клюв длиннее!»

Тем временем Медведь, ворочаясь в углу,
Вдруг ненароком придавил Пчелу.
И храбрая Пчела, как это ей пристало,
Жужжа в шерсти, свое вонзила жало.
И ожил наш Медведь! Пчела его спасла!
Вздохнули лекари: им тоже легче стало.
Не потому, что жало в цель попало,
А потому, что малая Пчела
С них, так сказать, ответственность сняла!..

Перестраховщики! Я басню вам прочел
Не для того, чтоб вы надеялись на пчел!

НЕПЬЮЩИЙ ВОРОБЕЙ

Случилось это
Во время птичьего банкета:
Заметил Дятел-гамада,
Когда бокалы гости поднимали,
Что у Воробушки в бокале —
Вода! Фруктовая вода!!
Подняли гости шум, все возмущаться стали,
«Штрафной» налили Воробью.
А он твердит свое: «Не пью! Не пью! Не пью!»
«Не поддерживать друзей? Уж я на что больная,—
Вопит Сова,— а все же пью до дна я!»
«Где ж это видано, не выпить за леса
И за родные небеса?» —
Со всех сторон стола несутся голоса.
Что делать? Воробей приклепил полбокала.
«Нет! Нет! — ему кричат. — Не выйдет! Мало! Мало!
Раз взялся пить, так пей уже до дна!
А ну налить ему еще бокал вина!»
Наш скромный трезвенник недолго продержался —
Все разошлись, он под столом остался...
С тех пор прошло немало лет.
Но Воробью теперь нигде проходу нет.
И где бы он ни появился,
Везде ему глядят и шепчут вслед:

«Ах, как он пьет!», «Ах, как он разложился!».
«Вы слышали? На днях опять напился!»
«Вы знаете? Бросает он семью!»
Напрасно Воробей кричит: «Не пью-ю!»
Не пью-ю-ю!»

Иной, бывает, промахнется
(Бедняга сам тому не рад!).
Исправится, за ум возьмется,
Ни разу больше не споткнется,
Живет умней, скромней стократ.
Но если где одним хоть словом
Его коснется разговор,
Есть люди, что ему готовы
Припомнить старое в укор:
Мол, точно вспомнить трудновато,
В каком году, каким числом...
Но где-то, кажется, когда-то
С ним что-то было под столом!..

ОСЕЛ В ОБОЙМЕ

Ослу доверили однажды пост завидный.
Лесным дельцам сказать не в похвалу,
Какой-то важный зверь, где надо, очевидно,
По дружбе оказал протекцию Ослу...
Осел на должности что было сил старался:
Одним указывал, других учить пытался;
Но, как бы он себя с достоинством ни вел,
Каким он был, таким он и остался:
Ушами поведет — все видят, что Осел!..
По лесу поползли невыгодные слухи.
В порядке критики пришлось при всех признать:
«Не оправдал надежд товарищ Лопухий!»
Не справился. С поста придется снять». —
И вот на пост Слона, ушедшего в отставку,
Зачислили Осла. Опять на ту же ставку!..
И снова слухи по лесу ползут:
«Он, говорят, проптрафился и тут!»

Одни смеются, а другие плачут:
«Что, если к нам теперь его назначат?!»

Вопрос с ослами ясен, но не прост;
Ты можешь снять с Осла, коль это нужно, шкуру
И накрутить ему за все ошибки хвост,
Но если уж Осел попал в номенклатуру,
Вынь да подай ему руководящий пост!

КОТЫ И МЫШИ

Кот Тимофей — открытая душа,
Коту Василию принес в зубах мыша:
Кот Васька отмечал день своего рожденья
И принимал преподношенья...
Увидев дичь, что гость ему принес,
Хозяин проурчал, брезгливо морща нос:
«Спасибо, брат! Но только зря старался!»
Давно прошли те дни,
Когда мышами я питался...
Уж ты меня, дружище, извини!»

Смущенный гость был удивлен безмерно:
Чтоб кот не ел мышей? Ослышался, наверно!
Хотел переспросить, но... подали обед:
Сметану, масло, сыр, печенку и пахтет,
Колбасы всех сортов и даже
Такую колбасу, которой нет в продаже!..

К столу все новые закуски подносили.
Тимошка-кот наелся до ушей.
«Вот так, брат, и живем...» — мурлыкал кот Василий. —
Обходимся, как видишь, без мышей!»

Когда бы у меня читатели спросили,
О чем завел я в этой басне речь,
Я им ответил бы, что данный кот Василий
Жрал то, что должен был стеречь!
А этаких котов, не ловящих мышей,
Из кладовых пора бы гнать взапей!

СОБАКА И ОСЕЛ

Собака каждый день хозяина встречала,
Когда он поднимался на крыльцо,
Стараясь показать, что без него скучала,
Она пыталась всякий раз сначала
Как можно ласковой лизнуть его в лицо.
Хозяин, потрепав ее по шее,
В дом проходил за ней иль перед нею...
Осел, что тоже нес при том же доме службу,
Решил с хозяином свою упрочить дружбу —
Приветствуя его однажды горячо,
Он положил ему копыто на плечо
И так хозяину перемусолил баки,
Что тотчас на спине почувствовал метлу...

То, что позволено собаке,
То не позволено ослу!

ТИХИЙ ВОДОЕМ

Летела к югу стая диких уток.
Устав махать натруженным крылом,
Одна из них к исходу третьих суток
Отбилась от своих и села за селом.
К ней подплыла домашних уток стая —
Сородичи по пуху и перу:
«Останься здесь! Придешься ко двору!
Мы тут, как видишь, сыты, не летая!
Спокойно мы живем.
Нас не пугают выстрелы с болота —
Весной и осенью утиная охота
Обходит этот водоем...»
«Чуюток передохну, — им Кряква отвечала, —
Но насовсем остаться не могу:
Мне, перелетной птице, не пристало
Сидеть безвылетно на вашем берегу!..»
Вот день прошел... Прошли вторые сутки...
Прошла неделя... Месяц... Минул год...

Как изменился нрав у нашей дикой утки:
Среди домашних до сих пор живет!
Она со всеми сыта у корыта,—
Что ей теперь озера и леса?!

И среди прочих тем лишь знаменита,
Что изредка глядит на небеса...
Я встретил как-то по перу собрата,
И он со мною откровенен был:
«Я не сую свой нос ни в споры, ни в дебаты!
И хорошо живу — дай бог, чтоб ты так
жил!»

ОРЛЫ И ВОРОБЬИ

Гнездятся беркуты в горах, бог знает где! —
В заоблачных краях, на неприступных скалах
И беркутят воспитывают малых,
Как и положено, в своем родном гнезде.
У крупных хищников обычаи свои —
Орлы и Львы не любят мелочиться!
Пронюхав это, стали воробьи
С орлиною семьей в одном гнезде селиться.
Орлиное гнездо настолько велико,
Что Воробышке в нем пристроиться легко —
И есть, где жить, и есть, чем поживиться...
Орел домой с охоты прилетит —
Накормлены прожорливые детки,
А там, глядишь, и Воробышко сыт —
С орлиного стола ему идут объедки.
До этого Орлу и дела нет,
Лишь был бы у него у самого обед...
— Как можешь ты иметь таких соседей? —
Однажды у Орла спросил Медведь —
Признаюсь откровенно, мы, медведи,
Таких нахлебников не стали бы терпеть!
Орел сказал: — Как видно, я привык
К тому, что по утрам я слышу: «Чик-чирик!»

Есть люди, как такие воробьи,
У них для жизни правила свои.
Попробуй ухватить такого за полу,
Он тотчас завопит: «Пожалуюсь Орлу!»

СОРОКА-НАУШНИЦА

Сорока запросто к Орлу домой ходила
(Что уж само собой довольно странно было.
Хотя не нам судить
О том, как жить орлам, с кем дружбу им водить.
Но в данном случае Сорока та была
Подругой юности сестры жены Орла...).
Орел, что в облаках над прочими парил
И в силу этого от жизни оторвался,
По прихоти жены с Сорокою общался.
Ей лично лапку жал и с нею говорил.
Сорока верещит. Сорока в курсе дел:
Тот свил себе гнездо, а этот улетел...
Орел в два уха слушает Сороку.
А у нее любое лыко в строку:
«Я слышала на днях, как Соловей поет.
Подумать только, с кем концерты он дает:
Как ночью на пруду заквакают лягушки,
Он начинает вторить им с опушки...»
«Ну, а Скворец?»
«Ах, это ли певец!
Сказать по совести, он только то и знает,
Что каждую весну скворечники меняет...»
«Что скажешь про Дрозда?»
«Признаюсь, не тая,
Как осень, так глядит в заморские края...»
Сорока верещит без всякого стеснения —
Орел о птицах формирует мнение...

Иной, что мнит себя на должности Орлом,
Таких наушниц держит под крылом!

ЩЕНОК И ГАДЮКА

Гадюка заползла на солнечный пенек,
Где разлеглась, свое расправив тело.
К ней несмышленный подбежал Щенок —
Общался он не с теми то и дело!
«Я вижу, ты одна! — сказал Щенок Змее. —
Давай с тобой дружить, пока нам не наскучит.
Я не спешу домой: меня в моей семье
С утра до вечера чему-нибудь да учат!»
Напрасно от Змеи Щенок ответа ждал,
Как мертвая, она не отвечала.
И вдруг, пока Щенок еще вблизи стоял,
Свернулась вся в клубок и в ход пустила жало.
Так глупенький малыш бесславной смертью пал...

Приходят с возрастом и опыт, и наука —
Умение различать, где Уж, а где Гадюка.

ОПАСНАЯ ДОБРОТА

Известно, что людская доброта —
Хорошая в характере черта,
Однако есть и доброта такая,
Что наглецов плодит, их просьбам потакая...
Так вот, без уточнения, Имярек,
Жил-был один добрейший человек.
О чем бы кто его ни попросил,
Он не жалел ни времени, ни сил,
Чтоб каждому просителю помочь,
Допустим, где-нибудь пристроить чью-то дочь,
Которая себя ничем не проявила,
Ну, разве что экзамен провалила.
Кому-то, где-то, что-то протолкнуть,
Того отправить, этого вернуть...
Подобных просьб к нему премного было,
И шли они потоком, как река,
Что начала свой путь от ручейка.
Одна влекла другую за собой,

И это был уже почти разбой!
Был осажден добряк со всех сторон,
Но как-то раз собрался с духом он
И отрубил просителю в ответ:
«Я на хоккей вам не достал билет!
Прошу простить, но не смогу помочь!»
И так ответил, сам не спал всю ночь,
А тот нахал, что получил отказ,
На всех углах костит его сейчас...

ТРЕЗВЫЙ ПОДХОД

Прозаик А. поэта Б. увидел,
Тот грустный шел откуда-то домой.
«Чем вы огорчены? Вас кто-нибудь обидел?» —
Решил прозаик А. задать вопрос прямой.
«Я был в гостях у старого поэта,
Чье мнение я высоко ценю...
Читал ему стихи... Ждал доброго совета...»
«Каков же был совет?»

«Предать стихи огню!»

«Я догадался, у кого вы были! —
Сказал прозаик А. — Ответ в знакомом стиле!
Так вы огорчены?»

«Но он большой поэт!»

Как не считаться с ним?»

«Как не считаться? Здравсьте!

Будь он хоть классиком, но он поэт без власти,
И беспокоиться вам просто смысла нет!»

Прозаик А. считался только с теми,
Кто был у руководства в это время,
И сам в отличие от старого поэта
В одном издательстве был членом редсовета.

ПЛЮЩ «НА ВЫСОТЕ»

Плющ, что вокруг дерева в саду у дома вился,
С каких-то пор вдруг взял и возгордился,
На всех, кто ниже рос, взирая свысока:
«Ну, до чего ж у нас растительность мелка!
Черемуха, и та, на удивленье просто,
Чуть выше человеческого роста,
А если взять цветы, то мне за них обидно
За то, что с высоты мне их почти не видно!»
«Послушай, Плющ! — от возмущенья зол,
Поежившись, сказал сосновый ствол. —
Когда бы за меня всю жизнь ты не цеплялся,
Ты так бы высоко сегодня не забрался!»

РОМАШКА И РОЗА

«Прошу меня простить за обращение в прозе! —
Ромашка скромная сказала пышной Розе. —

Но вижу я: вокруг вашего стебля
Живет и множится растительная тля.
Мне кажется, что в ней для вас угроза!»
«Где вам судить о нас! — вспыхнула Роза. —
Ромашкам полевым в дела садовых роз
Не следует совать свой нос!»

Довольная собой и всех презрев при этом,
Красавица погибла тем же летом, —
Не потому, что рано отцвела,
А потому, что дружеским советом
Цветка незначительного она пренебрегла...

Кто на других глядит высокомерно,
Тот этой басни не поймет, наверно...

ГУСЕНИЦА И БАБОЧКА

Навстречу Бабочке, присевшей на цветок,
Червяк мохнатый полз, он Гусеницей звался
И, несмотря на шесть проворных ног,

Довольно медленно по стеблю продвигался.
Зато у Бабочки — два радужных крыла
С разводами диковинного цвета,
Она самой природою была
Так празднично, нарядно разодета!
«Мне неприятно на тебя смотреть! —
Сказала Гусенице Бабочка-красотка. —
Такая у тебя противная походка,
Что хочется скорее улететь!»
Тут Бабочка вспорхнула над цветком
И в солнечных лучах затрепетала,
А Гусеница двинулась ползком
И вскоре тоже бабочкою стала...

Моя мораль сама сошла с пера:
Не забывай, каким ты был вчера!

БОЛЬШАЯ КОСТЬ

Ворона жадная, раскрывши клюв, глядела,
Как пес Волчок со смаком кость глодал.
Той костью овладеть Ворона захотела
И сверху вниз, как ястреб, налетела!
Такого натиска Волчок не ожидал.
И он, не разобрав, откуда кто напал, —
Шасть под крылыцо!

А наглая воровка,
Что подлый свой маневр придумала так ловко,
Вцепилась в кость... Однако кость была
Не по Вороне тяжела.
И как Ворона ни старалась,
Ни тужилась, ни надрывалась,
Все ж уволочь с собой добычу не смогла,
Да хорошо еще, сама жива осталась —
Волчок, придя в себя, ей вырвал полкрыла!

Одна из первых мер предосторожности:
Соразмерять желанье и возможности.

АРБУЗ

Арбуз, что из земли тянул нещадно соки,
Что более других лежал на солнцепеке
И вырос до такой величины,
Что все другие кавуны
С ним оказались не равны.
Перед братьями своими возгордился:
«Я тяжелее всех, каков же я на вкус?!
Всяк скажет про меня: «Арбуз так уж арбуз!...»
Так до тех пор он хвастал и кичился,
Пока в хозяйских вдруг руках не очутился.
А как попал под нож,
То оказался уж не так хорош.
Что толку, что велик? Велик, да толстокож!
На цвет? Да как сказать, не бел, но и не красен.
На вкус — трава травой...

Смысл этой басни ясен:
Иной, глядишь, и говорит пестро,
Осанка хоть куда, так важно носит пузо.
А ковырни его да загляни в нутро —
Оно как у того Арбуза!

МУХА И ПЧЕЛА

Перелетев с помойки на цветок,
Лентяйка Муха Пчелку повстречала —
Та хоботком своим цветочный сок
По малым долькам собирала...
«Летим со мной! — так, обратясь к Пчеле,
Сказала Муха, глазками вращая. —
Я угощу тебя! Там — в доме, на столе —
Такие сладости остались после чая!
На скатерти — варенье, в блюдах — мед.
И все — за так! Все даром лезет в рот!»
«Нет! Это не по мне!» — ответила Пчела.
«Тогда валяй трудись!» — лентяйка прожужжала
И полетела в дом, где уж не раз была,
Но там на липкую бумагу вдруг попала...

Не так ли папенькины дочки и сынки,
Бездумно проводя беспечные деньки,
Безделье выдают за некую отвагу
И в лености своей, от жизни далеки,
Садятся, вроде мух, на липкую бумагу!

ШАРИК-БОБИК

У ресторана «Горная вершина»,
Где ждут курортников и шашлыки и вина,
С утра до вечера крутился тихий Пес.
Всем посетителям равно хвостом виляя,
На трезвых не рыча, на пьяного не лая,
Он повседневно здесь свое дежурство нес.
Пес откликался на любую кличку.
И это у него вошло в привычку:
Окликнут Шариком — он вмиг хвостом вильнет,
«Эй, Бобик!» — он уже к чужой коленке льнет,
А сам глядит в глаза — глядит и не моргнет!
«А ну, Дружок! Поди сюда, собачка!»
Собачка тут как тут — и ей уже подачка:
Кидает чья-нибудь рука
То косточку от шашлыка
С кусочком сладкого, поджаренного жира,
То птичье крылышко, то просто ломтик сыра...
Нет, хлеба не искал курортный этот пес —
От хлебного куска он воротил свой нос...
Его собратья сторожат жилища,
На складах тявкают, врага по следу ищут —
Несут служебный долг, гордясь своим постом.
А этому милее кров и пища,
Добытые глазами и хвостом...

Любых мастей и видов тунеядцы!
Ведь это вы попали в басню, братцы!

ВОЛК-ТРАВООД

Вожак воров и сам матерый вор,
Волк-живодер
Как избежать облавы ни старался,
А все ж попался.
Теперь над ним свершится приговор,
Не избежит преступник наказания!
Свидетели дают
Правдивые, прямые показания:
«Зарезал здесь овцу, задрал теленка тут,
А там свалить коня не посчитал за труд...»
Улики налицо. Но судьи ждут,
Что им убийца скажет в оправданье.
«Известно, — начал Волк, — что испокон веков
Всегда травили нас, волков,
И скверные про нас пускали толки.
Заблудится овца у сонных пастухов,
Корова пропадет — все виноваты волки!
А волки между тем давным-давно
Не могут видеть кровь, не могут слышать стоны,
На травку перешли и на зерно,
Сменили стол мясной на овощной — зеленый.
А если иногда то там, то тут
Ягненка одного-другого задерут,
Так только с целью самообороны...
Надеюсь я на объективный суд!...»
И порешили судьи тут:
Дать Волку выговор и не лишать свободы.
Раз изменился нрав у всей его породы.

Но вот прошли уж годы,
Как огласили этот приговор,
А волки нападают до сих пор
Все на стада, а не на огороды!

РЫБЫИ ДЕЛА

Раз в тихом бочажке, под бережком, чуть свет,
Рыбешка мирная собралась на совет:

В реке их Щука донимала,
И от зубастой им житья не стало.
«Казнить разбойницу! Казнить — двух мнений

нет!..»

И Щука старая, как ни сильна была,
Все ж кверху брюхом как-то раз всплыла...

Победа многих вдохновила.

«Преступница нам больше не страшна! —
Разумная Плотвичка заявила. —

Но в дальней заводи живет еще одна.
Не худо бы расправиться и с нею!» —

«Конечно, вам, плотве, виднее, —
Из-под коряги молвил сытый Сом, —

Но, правду говоря, та Щука ни при чем —
Она сюда не заплывала,

Вам до нее и дела мало!»

Плотвичка возражать не стала,

И дело кончилось на том...

В зеленых берегах текут спокойно воды,
Вьюны и пескари в них водят хороводы,

И караси не залезают в грязь,

Зубастой хищницы отныне не боясь.

Но мирные деньки не больно долго длились —
Исчезло в ясный день плотвичек десять штук,

Два пескаря домой без плавников явились

И пропадать уклеи стали вдруг.

Рыбешкам снова не житье, а мука:

Из дальней заводи переселилась Щука

И привела с собою двух подруг!

Мне бедных рыбок жаль. Зато другим наука:
Не слушайте сомов, уничтожая щук!

ПОЛКАН И ШАВКА

Косого по лесу гоняя,
Собаки — Шавка и Полкан —
Попали прямо в пасть к волкам, —
Им повстречалась волчья стая.
От страха Шавка вся дрожит:
«Полкаша... Некуда деваться...
Я чую смерть свою... Что будем делать?..»

«Драться! —

Полкан в ответ ей говорит. —

Я на себя возьму того, что покрупнее,

А ты бери того, что рядом с ним».

И, до врага достав прыжком одним,

Вцепился храбрый пес зубами в волчью шею

И наземь Серого свалил, —

Но тут же сам растерзан был.

Что думать Шавке? Очередь за нею!

Тут Шавка взвизгнула и в ноги бух волкам:

«Голубчики мои! Не погубите!

Сродни ведь прихожусь я вам!

Вы на уши мои, на хвост мой посмотрите!

А чем не волчья шерсть на мне?

Сбылась мечта моя — попала я к родне!

Пошли за мной, я показать вам рада,

Где у реки пасется стадо...»

Вот волки двинулись за Шавкою гуськом,

Вначале лесом, после бережком,

Под стадо вышли, на хвосты присели,

Посоветовались на волчьем языке

И от коров недалеке

На всякий случай раньше Шавку съели.

Но сами тож не уцелели —

В жестокой схватке polegли:

Сторожевые псы то стадо стерегли,

И ружья пастухи имели...

Сей басне не нужна мораль.

Мне жаль Полкана. Шавки мне не жаль!

ДВА ТОПОРА

Пошли рубить два новых Топора.
(Мы знаем, Топоры на это мастера!)
Так вот, один из них попал в зеленый Бор,—
И разгулялся же Топор!
Был с лесом у него короткий разговор:
Столетние дубы и молодые ели,
И сосны стройные, что кронами шумели,
Черемухи, что так весной цвели,—
Под первым Топором в расправе полегли...
Второй Топор попал в соседний Бор,
Но стал Топор вершить свой приговор
Над теми лишь в лесу, что жили до сих пор
За счет других, собратьям жить мешая,
И заглушая их, и света их лишая.
К загнанным на корню он беспощаден был —
Под самый корень их рубил,
Чтоб лес, здоровый лес от них освободился!
И благодарный лес преобразился —
Помолодевший, ветки распростер.
Бездомных всех певцов собрал под свой шатер
И с новой силой к солнцу устремился.
И эту силу дал ему — Топор!..

ФЕДОТ, БОЛОТО И ПАСТУХ

Дружки-приятели водились у Федота,
Они и завели товарища в болото.
Он, говорят, идти за ними не хотел,
Да отказаться не посмел...
Как начали дружки тонуть
Поодиночке —
Стал прыгать наш Федот от кочки и до кочки
И наконец допрыгался до точки:
Ему уже ни охнуть, ни вздохнуть —
Засасывает гниль и тянет вниз Федота.
Федот идет ко дну. Федоту жить охота!..
Пастух, что в тех местах в то утро стадо пас,

Трясину обходил — искал в лесу ягненка,
Вдруг видит: человек в гнилой воде завяз,
На убыль у него уже идет силенка!
Чтоб жизнь свою от гибели спасти,
Карабается он из тухлой, ржавой жижи
К сухому берегу все ближе, ближе, ближе,
За все, что под рукой, хватаясь по пути...
«Держись, Федот!» — тут закричал Пастух
И протянул Федоту палку.
Собрал Федот последний дух,
Собрал Федот всю волю, всю смекалку
И выбрался на берег чуть живой,
Едва не поплатившись головой
За всех своих дружков и за характер свой.

Когда тебя дружки в болото волокут,
Мозгами шевельнуть не посчитай за труд!

ПОРТНОЙ НА ЛАВРАХ

Жил-был мужской портной — хороший мастер,
«Собаку съел» он по портновской части,
И это было видно по тому,
Что каждый, кто хотел принарядиться,
Мечтал попасть на очередь к нему:
Так трудно было мастера добиться.
И в самом деле,
Портной не портил зря сукно —
Отлично на заказчиках сидели
Что пиджаки, что брюки — все равно!
Сезон сменял сезон — так проходили годы.
Наш знатный мастер жил да жил,
Все шил да шил.
Росла о нем молва — росли его доходы...
Но вдруг
Все стали подмечать вокруг,
Что у портного изменилась хватка
И, невзирая на размер задатка,
Известным мастером пошитое пальто
Уже не то!

Обужена спина. Не там, где надо, складка.

Морщит подкладка.

Неладно вшиты рукава...

Другая разнеслась по городу молва,
А там узнали все, ушам своим не веря:

Кроят и шьют теперь в портновской
подмастерья!

А мастер, задавая важный тон,

Лишь помогает выбирать фасон.

Сам больше не кроит, не шьет, не мерит он,

Он лишь визирует готовые изделия

И даже запил от безделья...

Свой опыт растеряв в течение ряда лет,

Портной в конце концов совсем сошел на нет.

И отказались от него клиенты...

Да! К месту здесь сказать: иным идут во вред

Излишние аплодисменты!

БЕДНЫЙ ЗЯБЛИКОВ

«Сызмальства

Блюди дистанцию и почитай начальство —

Где надо — улыбнись, где надо — подольсти.

Где — место уступи, где — к месту пропусти.

И если сей закон постичь сумеешь

На жизненном пути своем,

То без труда преодолеешь

Служебной лестницы подъем».

Так думал Зябликов, шагая помаленьку

Вверх, со ступеньки на ступеньку...

И вдруг... Что стало с ним?

Переступив порог

Заветного большого кабинета,

При всех, кто был и кто заметил это,

Не поклонился он, а отпустил кивок

Тому, кто запросто его представить мог

К Почетной грамоте Верховного Совета!

Подав на подпись нужный документ,

Он над столом учтиво не сломился,
А продолжал стоять, как монумент.
И, уходя, опять не поклонился...
Ну, кто из нас посплетничать не прочь!
Предположенья складывались быстро:
«За космонавта выдал замуж дочь?»
«Стал зятем самого товарища министра?»
А бедный Зябликов ничем не знаменит.
В счастливую судьбу теряя веру
И вспоминая шефа грозный вид,
Клял в туалете свой радикулит,
Который подрывал ему карьеру.

Где в кресле — бюрократ,
Там рядом — подхалим.
Я эту басню посвящаю им!

ЭГОИСТ

«Запомни наш охотничий закон:
Обложен волк, пошел загон,
А ты стойшь «на номере» под елкой,
Ни в зайца, ни в лису — пусть даже выйдет слон! —
Не смеешь ты стрелять!..

Стой, дожидайся волка!..»

Так старый егерь наставлял стрелка,
Что на облавах не бывал пока.
И вот теперь, зажав в руке двустволку,
Грозился загодя: «Уж я-то всыплю волку!..»
Команда на местах. Стрелки в засаде. Ждут.
Уже загонщики галдят в черте обклада.

Но тут —

Дуплет в лесу... Да не такой, как надо!
Зайчишку увидав, не утерпел юнец
И выпустил в него из двух стволов свинец.
А волк ушел...

На зайце в клочья шкурка...
Сошлись охотники, в сердцах клянут придурка.
В глаза его на все лады костят,

А он в ответ: «Простите! Виноват!»
Наутро вновь налажена охота:
Флажками красными зафлажено болото
И волк, вчерашний волк, опять лежит в кругу —
Следы знакомых лап на выпавшем снегу.
И снова замерли охотники в засаде —
Стоят «на номерах», сквозь мелкий ельник глядя,
Двустволки на весу...
Пошел загон.

И с лежки волк поднялся.
Как вдруг (вот сосунок!) опять дуплет раздался:
Не утерпел юнец и выпалил... в лису!
А волк опять ушел...

Так нам вредит любой,
Кто в общем деле занят лишь собой!

ТОЛСТЫЙ И ТОНКИЙ

«Я лягу на полоч, а ты потри мне спину, —
Кряхтя, сказал толстяк худому гражданину. —
Да хорошенько веничком попарь.
Вот так-то я, глядишь, чуток и в весе скину.
Ты только, братец, не ошпарь!»
Трет Тонкий Толстого. Одно пыхтит лежачий:
«Еще разок пройдишься!.. Еще наддай!..
А ну, еще разок! Смелей — я не заплачу!
А ну, еще разок!..» — «Готово, друг! Вставай!
Теперь я для себя парку подкину.
Мочалку мылить твой черед!»
«Нет, братец, уж уволь! Тереть чужую спину
Мне не положено по чину.
Кто трет другим, тот сам себе потрет!»

Смеялся от души народ,
Смотря в предбаннике, как Тонкий одевался
И как в сторонке Толстый волновался:
Он чином ниже оказался!

ЛИЧНОЕ ВЕДРО

Туристы, отдыхавшие на воле
И коротавшие у речки вечера,
С колхозного картофельного поля
Картошку набирали в два ведра.
И, заложив ее в золу костра,
Ее пекли и ужинали сытно —
Печеная картошка аппетитна.
Когда и горяча, и в меру солона!
А вот откуда, как взята она,
Об этом так судил тот, кто картошку ел:
— Подумаешь! Колхоз не обеднел!
На каждого из нас пришлось по две картохи!
Ведь это — крохи!..

Житейский этот факт мне поддал мысль одну:
Так можно растащить по крохам всю страну,
Когда в большое личное ведро
Класть беззастенчиво народное добро!

НЕВРУЧЕННАЯ НАГРАДА

За честный труд и поощренья ради
Один из Муравьев представлен был к награде —
К миниатюрным именованным часам.
Но Муравей не получил награды:
Вышесидящий Жук чинил ему преграды,
Поскольку не имел такой награды сам!

Ах, если бы прискорбный этот случай
Был ограничен муравьиной кучей!

КОРНИ

Осточертела молодому Клену
Зависимость от собственных корней —
Чем выше к небу поднимал он крону,
Тем становились корни все сильней.

ПРАВОТА И КЛЕВЕТА

ЧУЖАЯ СЛАВА

ПРИЗНАНИЕ

ТУРИСТ И ОСЫ

41

ХОЗЯЙСКИЙ КОТ

Попала Мышка в мышеловку —
Машинка запросто захлопнула плутовку.
На пленницу набрел хозяйский Кот,
Что не ловил мышей уже который год.
— Ну что, сидишь? —
Спокойно он спросил, увидев в клетке Мышь.
— Как видишь! — пропищала Мышка. —
Я знаю, что ты вор, а я воришка —
Мы оба тянем с одного стола.
Освободи меня и мне не сделай зла!
Кот Мышку выпустил,
и тут пришла ей крышка! —
Он задавил ее и на пол рядом лег,
Чтоб так его застать хозяин утром мог.

ДИСТАНЦИЯ

— Зачем пожаловал? —
спросил у Зайца Лев.
Тот перед ним сидел, ничуть не оробев,
И вдруг сказал: — Припоминаю, Лева,
Как встретил ты меня в ночном лесу,
хмельного,
Я у Ежа тогда на дне рожденья был.
Как видно, ты меня забыл!
А ведь у нас с тобой давнишнее знакомство!
Ну, как, старик, живешь?
Здорово ли потомство?
— Пошел ты вон! —
промолвил царь зверей.
И Заяц вылетел в одну из двух дверей.

ПАСТУХ И МЕДВЕДЬ

Медведь загнал на ель дурного Пастуха
И сам за ним полез...
Пастух все выше, выше...

Недалеко уж было до греха,
Когда Пастух взмолился: — Слушай, Миша!
Незванным гостем ты пришел ко мне
И на меня напал во сне.
Но я тебе зачем? Зарежь себе барана,
А то и двух! Я трех держу для плана.
Подумай только: сделка неплоха!
Медведь одумался. Оставил Пастуха.
Скатился с дерева и бросился в отару.
Теперь Пастух за ним

уже с ружьем в руках.
На мушке зверь. Два выстрела: Бах! Бах!
И Мишке пулю в лоб, да не одну, а пару!

Когда пасти овец призвание твое —
Не спи под деревом и не бросай ружье.
А если приведешь в пример мне этот случай,
Считай, что тот Медведь
был просто невезучий!

ЯБЛОНЯ И КАПУСТА

— Ты что с лопатой гнешь спину
целый день? —
Спросил сосед пенсионера-деда.
— Да яблоньку в саду
мне высадить не лень! —
Старик ответил на вопрос соседа.
— Я вижу, у тебя силенок хоть куда! —
Сказал сосед, беседу продолжая. —
И ты в свои преклонные года
Надеешься дожидаться урожая?
— Как знать! —
вздыхнул старик, бородку теребя. —
Все может быть,
да только вот в чем штука:
Капусту я сажал бы для себя.
А яблоню я высадил для внука!

ВРЕДНАЯ КОЗА

— Какая ж ты свинья! —

Коза Ослу сказала. —
Меня сегодня разбудил твой рев —
Приснилось мне, что я попала
На выгон стада бешеных коров.
— Подумаешь, недоспала!
Хотела выспаться, так раньше бы легла! —
Махнул Осел хвостом и отошел в сторонку.
— А все же ты свинья! —

Коза ему вдогонку. —
Повсюду, где тебя придется мне встречать,
Иначе я тебя не буду величать!..
В один прекрасный день
захрюкал наш Осел.
— Любого доведешь! — сказал жене Козел.

НЕПРАВЫЙ СУД

Полкан попал под суд — его оклеветали:
Мол, так и так, мошенник он и вор.
Свидетель Шарик нес какой-то вздор,
Но этот вздор расследовать не стали.
Барбос — кудлатый прокурор
Речь произнес,
И Шавки-судьи срок Полкану дали.
Полкан под стражу взят.

Намордник носит он.
Но есть и высший суд!
Там Правда, там Закон,
Там суд вершат Орлы.

Они как будто ждали
Пересмотреть неправый приговор.
Они Полкана оправдали!
С него намордник снят.

Возвращены медали.
Вновь на свободе он. И он уже не вор.
Во всех правах его восстановили.

А Шавки? А Барбос? А Шарик? Что они?
Сказал ли кто из них: — Полкаша, извини!
Мы виноваты! Мы неправы были!..
О них забыли...

ЦЕПОЧКА

На взятке пойман был заведующий
складом,
Пошли под суд и те, что были рядом.
Шла ниточка к тому, кто базой управлял, —
Тот был с поличным взят и долго не вилял,
Но так как барышом с начальством
он делился —
Директор торго завалился.
Но завалился не один —
Попал под следствие вышесидящий чин,
Который всех давил своим авторитетом,
Но честь и совесть потерял при этом.
В торговом мире шла о нем молва:
«Вот это — Шеф! Вот это — Голова!»
Народный суд судил их друг за другом,
И всей цепочке дали по заслугам...

И люди, может быть, правы,
Что шутят неспроста:
Протухла рыба с головы,
А чистилась с хвоста!

ХУДОЖЕСТВО

К редактору в рабочий кабинет
Явился человек преклонных лет
И, положив на стол объемистую папку,
Сказал: — Я вам принес своих стихов охапку!
Живу на пенсии, как ветеран труда.
Решил на старости поэзией заняться —

Причастен к ней я не был никогда,
 Зато теперь хотел бы издаваться!
 Без малого тут восемь тысяч строк!
 Как начал, так пошло — строчу без передышки
 И настрочил, пожалуй, на две книжки.
 Да вот не знаю, кто бы мне помог?
 Редактор, нацепив на нос очки,
 Сказал сочувственно: — Мы оба старички!
 Мне тоже срок пришел на пенсию податься.
 Так вот и я решил художеством заняться:
 Танцором стать на склоне лет —
 Имеется в виду балет.
 Да только я боюсь, что буду спотыкаться!

ПЕС, КОНЬ И ЗАЯЦ

Из леса Заяц выставил Медведь
 За то, что на него он косо стал смотреть.
 Хозяин выгнал Пса из дома за ворота
 За то, что невпопад Дружок протявлял что-то.
 И в чистом поле тем же самым днем
 Дружок и Заяц встретились с Конем.
 Тот, нехотя переставляя ноги,
 Не шел, а брел по полевой дороге.
 — Ты что в грустях? — Дружок спросил Коня. —
 Неужто, как и мы, и ты расстался с домом?
 — И я, — ответил Конь. — Уволили меня!
 — За что?
 — Да как за что! Пришел Осел с дипломом!

СОДЕРЖАНИЕ

Соловей и Ворона	2
Заяц во хмелю	3
Лиса и Бобер	4
Слон-живописец	5
Кукушка и Скворец	7
Две подруги	8
Лев и ярлык	9
Без вины пострадавшие	11
Нужный Осел	12
Лев и Муха	13
Осторожные птицы	14
Непьющий Воробей	15
Осел в обойме	16
Коты и Мыши	17
Собака и Осел	19
Тихий водоем	19
Орлы и Воробьи	20
Сорока-наушница	21
Щенок и Гадюка	22
Опасная доброта	22
Трезвый подход	23
Плющ на высоте	24
Ромашка и Роза	24
Гусеница и Бабочка	24
Большая кость	25
Арбуз	27
Муха и Пчела	27
Шарик-Бобик	28
Волк-травоед	29
Рыбы дела	30
Полкан и Шавка	31
Два Топора	32
Федот, болото и Пастух	32
Портной на лаврах	33
Бедный Зябликов	35
Эгоист	36
Толстый и Тонкий	37
Личное ведро	39
Неврученная награда	39
Корни	39
Правота и клевета	40
Чужая слава	40

Признание	41
Турист и Осы	41
Хозяйский Кот	42
Дистанция	42
Пастух и Медведь	42
Яблоня и Капуста	43
Вредная Коза	44
Неправый суд	44
Цепочка	45
Художество	45
Пес, Конь и Заяц	46

Сергей Владимирович МИХАЛКОВ

СМЕХ

Редактор А. С. Пьянов
Техн. редактор Л. И. Курлыкова

Сдано в набор 26.12.86 г. Подписано к печати 10.02.87 г.
А 05028. Формат 70 × 108^{1/32}. Бумага типографская № 2.
Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10.
Учетно-изд. л. 2,47. Усл. кр.-отт. 2,45. Тираж 75000.
Изд. № 66. Заказ 4317. Цена 25 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография имени В.И.Ленина издательства ЦК КПСС
«Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.